

Научная статья

JEL: K15

УДК: 340.1

DOI:10.17323/2072-8166.2025.1.85.114

***Differentia specifica* правовых принципов в контексте судебной аргументации**

Дарья Александровна Фаталиева

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9,

d.fatalieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7590-7868>

Аннотация

Семантическая неопределенность правовых текстов в наибольшей степени проявляется в абстрактных нормативных формулировках правовых принципов. Для определения корректной методологии работы с принципами права необходимо выявить критерии, позволяющие квалифицировать соответствующий стандарт в качестве правового принципа, выявить особенности применения правовых принципов, определяющие методы их использования в судебной аргументации. В статье рассматриваются теоретические дискуссии о понятии «правовой принцип» с точки зрения позиции нормативного дуализма и отграничения принципов от смежной категории правовых правил, а также с учетом разграничения принципов на виды, включая обособление категории правовых постулатов преимущественно исходя из аргументативного подхода к праву. Автор приходит к выводу о большей состоятельности позиции «слабого» разграничения, рассматривающей принципы наряду с правилами как разновидности правовых норм, отличающиеся по показателю степени. При этом абстрактность и семантическая неопределенность как свойство правовых принципов сами по себе должны быть конкретизированы, поскольку характерны для любых правовых предложений. Правовые принципы изначально представляют открытые высказывания, с чем связана большая свобода усмотрения правоприменителя. На процесс аргументации также влияет специфика различных видов правовых принципов, включая их деление на принципы *stricto sensu*, выражающие высшие ценности правопорядка, и принципы — программные нормы, которые предусматривают обязанность достижения определенных целей, что предполагает возможность быть реализованными в определенной степени. Кроме того, наличие или отсутствие эксплицитной позитивации принципа в право-

вых текстах влияет на обязывающую силу принципа. Важным дополнением дихотомии «правовые принципы — правовые правила», выступает категория правовых постулатов или методологических принципов, адресованных непосредственно субъектам толкования и определяют применение других правовых норм, так как она подчеркивает методологические различия в применении правовых принципов в качестве правовых норм — оснований разрешения спора, и в качестве правовых постулатов, определяющих специфику применения других правовых норм.

Ключевые слова

правовые принципы; правовые правила; правовые постулаты; судебная аргументация; семантическая неопределенность; «взвешивание»; аргументативный подход.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке НИР СПбГУ «Юрико-лингвистическая неопределенность в текстах правовых актов с учетом их коммуникативных особенностей и юридических функций» (шифр проекта 103923270).

Статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Фаталиева Д.А. *Differentia specifica* правовых принципов в контексте судебной аргументации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 1. С. 85–114. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.1.85.114

Research article

***Differentia specifica* of Legal Principles in Context of Judicial Reasoning**

Daria A. Fatalieva

Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia,

d.fatalieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7590-7868>

Abstract

The semantic uncertainty of legal texts is most evident in abstract normative formulations of legal principles. In order to determine the correct methodology of principles use, it is necessary to identify objective criteria that allow correctly qualifying the relevant standard as a legal principle, to identify the specifics of the application of legal principles that determine the methods of their use in judicial reasoning. The author considers theoretical discussions concerning the concept of “legal principle” from the point of view of the position of normative dualism and distinguishing principles from the related category of legal rules, as well as taking into account the differentiation of principles into types, including the isolation of the category of legal postulates mainly based on the argumentative approach to law. The author concludes that the position of “weak” distinction, which considers principles along with rules as a type of legal norms, is more

reasonable. At the same time, abstractness and semantic uncertainty as a property of legal principles themselves should be specified, since they are characteristic of any legal propositions. Legal principles initially represent open statements, which is associated with greater discretion of the law enforcer. The process of argumentation is also affected by the specificity of different types of legal principles, including their division into principles *stricto sensu*, expressing the highest values of the legal order, and principles — program norms, providing for the obligation to achieve certain goals, which implies the possibility of being implemented to a certain extent. The presence or absence of an explicit positivisation of the principle in legal texts should also be taken into account, as it affects the binding force of the principle. An important addition to the dichotomy “legal principles — legal rules” is the category of normative postulates or methodological principles, which are addressed directly to the subjects of interpretation and determine the application of other legal norms, stands out, as it highlights methodological differences in the application of legal principles as legal norms — grounds for dispute resolution — and as legal postulates determining the specifics of the application of other legal norms.

Keywords

legal principles; legal rules; normative postulates; judicial reasoning; semantic uncertainty; “weighing”; argumentative approach.

Acknowledgments: The work was carried out with the support of the Saint Petersburg State University research project “Legal and linguistic uncertainty in the texts of legal acts, taking into account their communicative features and legal functions” (project code 103923270).

The paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Fatalieva D.A. (2025) *Differentia specifica* of Legal Principles in Context of Judicial Reasoning. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 1, pp. 85–114 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2025.1.85.114

Введение

Для современных подходов к толкованию права характерно преобладание реалистической модели судебной интерпретации, которая допускает наличие у судей правотворческих полномочий. Во многом пересмотр взглядов на методологию судебного толкования был обусловлен признанием семантической неопределенности правовых текстов. Формалистическая стратегия толкования отступает на второй план, а место юридического силлогизма отчасти занимает аргументированное решение спорных ситуаций в толковании правовых норм [Харт Г., 2007: 131].

Однако используемые в процессе аргументации нормативные предложения различны, часть из них изначально имеет более общий

и открытый характер [Bertea S., 2020: 1–2]. Так, правовые принципы являют частный случай «открытой текстуры» языка правовых текстов [Варламова Н.В., 2023: 146–147] и демонстрируют в отдельных случаях «максимальный уровень проявления неопределенности в праве» [Власенко Н.А., 2018: 57]. В связи с этим проблематика реалистического подхода к судебной интерпретации наиболее ярко проявляется при толковании и применении правовых принципов. Высокая степень абстрактности, неопределенность нормативного содержания, отсутствие в структуре правовых принципов гипотезы ограничивают использование традиционной формально-силлогической модели в ситуации применения правовых принципов. При этом в доктрине отсутствует общепризнанная методология толкования и применения правовых принципов в судебной аргументации [Тимошина Е.В., 2017: 255].

В силу неопределенности содержания правовых принципов, а также отсутствия единой методологии работы с ними фактически наполнение соответствующих правовых категорий определяется *ad hoc* на основании обстоятельств рассматриваемого дела. Вероятно, способом снижения свойственной правовым принципам семантической неопределенности может выступать обращение к инструментарию юридической аргументации. Последовательность аргументации, основанной на правовых принципах, и предсказуемость принимаемых судом решений, находятся в прямой взаимосвязи с последовательным установлением и дальнейшим развитием судом подходов к толкованию правовых принципов. Это в конечном счете снижает произвольность принимаемого решения о выборе варианта толкования нормы [Соболева А.К., 2001: 148].

В связи с этим становится актуальным вопрос об исследовании практикуемых субъектами толкования методов работы с правовыми принципами в контексте превалирующей в доктрине толкования реалистической стратегии и в русле специфики правовой природы принципов права. Однако первым шагом в формулировании подходов к работе с принципами является определение объективных критериев, позволяющих квалифицировать соответствующий стандарт в качестве правового принципа, а также выявление особенностей правовых принципов, которые определяют методологию судебной аргументации с использованием принципов.

Исследование правовых принципов является одним из «вечных» вопросов как теории права, так и отраслевых наук, который требует постоянного переосмысления. Со второй половины XX века теория правовых принципов и проблематика их применения становятся

предметом пристального внимания исследователей, в том числе в контексте адаптации традиционных подходов к правовому регулированию и действующих правил — к новым реалиям¹. Однако хотя принципы права² составляют классический предмет изучения теории и философии права, единое мнение в отношении указанного понятия отсутствует.

Отмечается, что отчасти причиной для разногласий в отношении понятия служит полисемантность термина [Сивицкий В.А., 2021: 13]. «Принцип» происходит от латинского *principium* — основной, верховный. Исследователи зачастую ссылаются на словарные определения термина, согласно которым принцип является основным, исходным положением какой-либо теории, особенностью в устройстве чего-либо, внутренним убеждением (взглядом), руководящим началом действия, поведения [Сивицкий В.А., 2021: 13]; [Стоилов Я., 2024: 33–34].

В отечественной теории права распространен подход, рассматривающий принципы в качестве исходных или руководящих идей, лежащих в основе права³. Такой подход не только не предлагает объек-

¹ Так, А.В. Коновалов предполагает, что единственно верным решением оптимизации юридической практики к современным условиям является «построение системы права в соответствии с объективными правовыми принципами и неукоснительное следование им в объективном и независимом правоприменении» [Коновалов А.В., 2024: 698–699]. Н.В. Варламова отмечает, что правовые принципы позволяют, с одной стороны, сохранить общий смысл заложенного в них регулирования, включая социальное назначение конкретных прав человека или правовых институтов, а с другой — приспосабливать действующие правила к различным ситуациям в свете сложности и динамизма социальных отношений [Варламова Н.В., 2023: 162].

² В доктрине предпринимаются попытки разграничения понятий «правовых принципов» как исходных идей правовой системы и «принципов права» как норм-принципов, которые объективированы в позитивном праве [Скурко Е.В., 2006: 57–58]; [Керимов Д.А., 2000: 356]. В рамках настоящей статьи понятия «правовые принципы» и «принципы права» используются в качестве синонимичных.

³ При этом избираемый подход также отражает тип правопонимания, которого придерживается исследователь, что наиболее явно прослеживается на примере противопоставления естественно-правового подхода и юридического позитивизма. С точки зрения юридического позитивизма принципы права могут рассматриваться как обобщения положений действующего законодательства, в качестве идей, которые лежат в основе позитивного права [Васьковский Е.В., 2016: 430]. Так, С.С. Алексеев определял принципы как выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни. Принципы пронизывают право, выявляют его содержание в виде исходных, сквозных «идей», нормативно-руководящих положений. В рамках естественно-правового подхода отмечается объективный, трансцендентальный характер правовых принципов — А.В. Коновалов рассматривает

тивных критериев для определения содержания принципов права, но игнорирует их предоставительно-обязывающий характер [Тимошина Е.В., 2017: 259], затрудняет разграничение правовых принципов и правовых ценностей — принципы превращаются в «набор благих пожеланий, адресуемых доктриной правотворческим и правоприменительным органам» [Варламова Н.В., 2023: 149]. Также понятие «правовые принципы» зачастую используется для обозначения широкого круга явлений (основные начала, максимы, постулаты, аксиомы и др.). В связи с этим один и тот же термин может объединять содержательно различные правовые категории или, напротив, обозначать одно и то же явление разными терминами.

В настоящей статье рассмотрены теоретические дискуссии о понятии «правовой принцип» как с точки зрения определения его внешних границ путем сопоставления принципов со смежной категорией правовых правил, так и в свете его разграничения на виды внутри рассматриваемого понятия, включая выделение категории правовых постулатов, для уточнения существенных признаков правовых принципов.

1. Правовые принципы как разновидность правовых норм

1.1. Нормативный дуализм

Большинство исследований, посвященных правовым принципам, так или иначе рассматривают позицию нормативного дуализма, предполагающую разграничение правовых норм (правовых правил)⁴ и правовых принципов [Avila H., 2007: 8–11]; [Atienza M., Manero J., 1998: 6–19]; [Тимошина Е.В., 2017: 256]; [Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н., 2015: 5]; [Стоилов Я., 2023: 52–54]. На практике разделение правовых принципов и правовых правил выдерживается не всегда — в частности, Международный суд ООН (далее — МС ООН) использует понятия принципа и правила применительно

принципы права как объективные нематериальные явления, которые отличаются стабильностью, не претерпевают воздействия общественных и экономических обстоятельств, являются первичными по отношению к таким обстоятельствам (процессам) и к нормам позитивного права [Коновалов А.В., 2019: 17, 253–254].

⁴ Указанное разделение наиболее явно выдерживается в англоязычной литературе, использующей термины «принципы» (principles) и «правила» (rules). В этом смысле и правовой принцип, и правовое правило выступают разными видами правовых норм, т.е. представляют собой нормы-принципы и нормы-правила, соответственно [Стоилов Я., 2023: 54].

к общим принципам права (одному из источников международного права в силу п. «с» ч. 1 ст. 38 Статута МС ООН) в качестве синонимов [Saunders I., 2021: 13]. Тем не менее именно при противопоставлении понятия «принцип» и «правило» возможно выделить *differentia specifica* правовых принципов [Стоилов Я., 2023: 58]. Кроме того, разграничение нормативных категорий позволяет облегчить задачу по их толкованию и применению, поскольку таким образом выявляются критерии каждой правовой категории и снижается бремя аргументации в связи с упрощением процесса обоснования принадлежности к правилам или к принципам, соответственно [Avila H., 2007: 30].

В зависимости от того, рассматриваются ли правовые принципы в качестве разновидности правовых норм или в качестве самостоятельного правового явления, обладающего специфическими признаками, выделяются «слабое» и «сильное» разграничение. К «слабому» разграничению относятся доктринальные позиции, в рамках которых правовые принципы отграничены от правовых норм-правил по показателю степени. Принципы — нормы права, выраженные в более общей языковой форме, они обладают большей, по сравнению с ординарными нормами (правилами), степенью абстрактности, универсальности и более широким диапазоном применения. «Сильное» разграничение предполагает существенные различия между принципами права и нормами-правилами и является качественным, поскольку относится к природе, роли, образу действия рассматриваемых правовых категорий [Стоилов Я., 2023: 52–53] и преобладает в современной доктрине [Avila H., 2007: 45–47].

Концепция нормативного дуализма и качественное разграничение принципов права и норм-правил впервые нашли развернутое теоретическое обоснование в доктрине общего права в работах Р. Дворкина. Он не отрицает, что и принципы, и правила предусматривают юридические обязанности. Однако правила (например, высказывание «максимальная разрешенная законом скорость на шоссе равна 60 милям в час») применяются по способу «все или ничего» (all-or-nothing mode), т.е. в случае действительности правового правила предусмотренные им юридические последствия наступают автоматически при соответствующих условиях. Принципы (например, «никто не может извлекать выгоду из совершенного им правонарушения») формулируют основания рассуждения в определенном направлении, но не определяют решения.

Из указанного отличия вытекает еще одно, основанное на способе применения. Принципы могут быть более или менее весомыми, что проявляется в ситуации столкновения двух конкурирующих

принципов (в качестве примера приводится конкуренция стратегии защиты покупателей автомобилей и принципа свободы заключения контрактов), когда правоприменитель оказывается вынужден оценить относительный вес каждого принципа⁵. В случае конфликта норм-правил принимается решение о том, какую норму «необходимо отбросить или изменить», в том числе с учетом применения дерогационных норм [Дворкин Р., 2004: 48–51].

Теория Р. Алекси на основании идей Р. Дворкина усиливает разграничение между правовыми правилами и правовыми принципами в контексте романо-германской правовой системы [Пошер Р., 2015: 135]. Выступая сторонником современного естественно-правового подхода, Р. Алекси, как и Р. Дворкин, рассматривает различия между правилами и принципами в контексте критических аргументов против юридического позитивизма. Так, согласно Р. Алекси аргумент принципов предполагает, что даже в ситуации неопределенности позитивного права (в случае проявления открытой текстуры) судья связан правом.

Указанный аргумент основан на разграничении правил и принципов. Правила являются «определенными предписаниями» (дефинитивными командами), которые с должной степенью определенности предусматривают наступление правовых последствий при обстоятельствах, предусмотренных гипотезой. Правила могут быть как условными, так и категоричными; ключевым критерием выступает то, что правило может быть либо соблюдено, либо нет. Принципы представляют собой «предписания (требования) оптимизации», т.е. могут быть претворены в жизнь в различной степени в зависимости от фактических и правовых возможностей. При этом правовые возможности реализации правовых принципов зависят в том числе от других правовых принципов, поскольку типичной формой их реализации является достижение баланса между ними [Алекси Р., 2011: 88–89]; [Алекси Р., 2010: 208–209].

Из наиболее современных комплексных исследований правовых принципов с позицией «сильного» разграничения соотносим подход Я. Стоилова. Автор формулирует следующее определение принципа: «принцип права (норма-принцип) — это юридически утвержденная⁶ ценность / идея или сентенция, задающая направление поведения,

⁵ Как отмечает А.В. Коновалов, специфика подхода Р. Дворкина к понятию правовых принципов заключается в том, что принципы рассматриваются им скорее как «идеи», «идеальные прообразы» конкретных субъективных прав и не составляют моделей правового регулирования [Коновалов А.В., 2019: 380].

⁶ Автор имеет в виду действительность правовых принципов.

которая является ориентиром для определения соотношения между результатом поведения и идеальным положением посредством оптимизации при ее применении» [Стоилов Я., 2023: 64].

Таким образом, оба подхода к разграничению правовых принципов и правовых правил предполагают политико-правовые следствия для судей и различным образом влияют на методологию судебной аргументации. Так, в случае «слабого» разграничения при работе с принципами правоприменитель обладает большей свободой усмотрения в силу высокой степени абстрактности соответствующих норм, тогда как «сильное» разграничение особенности принципов как «требований оптимизации» предполагают обращение к «взвешиванию» для оценки веса принципов в конкретном случае [Avila H., 2007: 50].

В доктрине звучат опасения: понимание правовых принципов как требований оптимизации превращает их из универсальных правовых категорий, структурирующих правовую систему в целом, в «прагматические соображения», которые могут меняться в зависимости от текущих запросов общества, разрушают их универсальность [Тимошина Е.В., 2017: 257]; [Белов С.А., 2014: 234].

В целях критического анализа указанных позиций предполагается последовательно рассмотреть существующие критерии разграничения правовых принципов и правил, преимущественно основываясь на подходе комплексного исследования У. Авилы, поскольку ученый, с одной стороны, принимает во внимание доктринальные подходы к правовой природе принципов, а с другой стороны — методологию реалистического подхода к судебному толкованию и аргументативные практики⁷.

1.2. Возможные критерии разграничения принципов и правил

На основании обзора эволюции подходов к понятию принципа У. Авилы выделяет четыре наиболее очевидных и распространенных критерия разграничения принципов и правил.

⁷ У. Авилла рассматривает процесс интерпретации не как процесс выявления смысла толкуемого нормативного положения, но как процесс надления его значением. Акт толкования предстает в качестве реконструкции — субъект толкования интерпретирует положения правового текста таким образом, чтобы эксплицировать результат толкования, который будет соответствовать целям и ценностям, заложенным в правовой порядок. При этом субъект толкования ограничен соответствующим правовым текстом, придание обратного смысла словам и используемым словам и выражениям не допускается; в частности, невозможно толковать «временное» как «постоянное», «тридцать дней» — как «более тридцати дней», «все ресурсы» — как «некоторые ресурсы» [Avila H., 2007: 7–8].

1. Гипотетико-условный критерий (hypothetical-conditional aspect) предполагает, что правила составляют гипотезу (условие) и следствие, которые определяют решение (т.е. применяются по модели «если...то»), принципы указывают направление для поиска судьей правила, которое будет применимо в деле. У. Авила полагает, что использование особенностей лингвистической структуры для разграничения правил и принципов не является обоснованным, так как принципы могут быть сформулированы по модели «если... то». Напротив, даже если нормативное предложение является условным, субъект толкования может сделать вывод о том, что оно является принципом, поскольку на этапе толкования нормы интерпретатор осуществляет анализ связи между толкуемым нормативным положением и обусловившими его целями и ценностями [Avila H., 2007: 11–13].

Автор обращается к примерам конституционно-правовых положений в области налогового права. Так, положение, предусматривающее, что введение нового налога или увеличение налоговой ставки возможно только на основании закона, применяется в качестве правила, если субъект толкования делает акцент на поведенческом аспекте нормы и понимает ее как формальное требование, подтверждающее правомерность установления налога или увеличения налоговой ставки. Оно же понимается как принцип, если судья сосредотачивается на телеологическом аспекте, в том числе реализуя его в качестве средства достижения стабильности регулирования. Положение, предусматривающее, что при установлении нового налога или увеличения налоговой ставки соответствующие изменения вступают в силу только с начала нового налогового года, применяется, как правило, если субъект толкования понимает его как требование опубликования закона до начала нового налогового года, и как принцип, если его применение связано с целью достижения предсказуемости регулирования.

По мнению У. Авилы, классификация нормы в качестве принципа или в качестве правила зависит от того, как она используется в процессе аргументации, а не от наличия условия в лингвистической структуре. Вероятно, указанный тезис основан на подходе ученого к толкованию, который соотносится с реалистическим стилем, — поскольку правовая норма создается субъектом в процессе интерпретации, до акта толкования невозможно определить, содержит ли нормативное положение правило или принцип — указанная квалификация зависит от ценностных связей, создаваемых в процессе интерпретации [Avila H., 2007: 7–8, 13–14].

Таким образом, с позицией У. Авила можно согласиться лишь частично. Так, спорным является тезис, что принцип может быть переформулирован в правило — приведенные примеры справедливо критикуются не как подтверждающие такую возможность, но фактически демонстрирующие конкретизацию принципа в соответствующих правилах при их истолковании [Варламова Н.В., 2023: 166–167].

Вместе с тем лингвистическая структура любой правовой нормы, как правила, так и принципа, действительно зависит от избранного способа фиксации ее содержания в соответствующем правовом тексте и может быть изложена по модели «если...то» путем логической реконструкции соответствующего правового предложения. При этом специфическим признаком правовой нормы выступает не указанная лингвистическая структура, а предоставительно-обязывающий характер, определяющий поведение субъектов права — адресатов правовой нормы.

В этом смысле также не выдерживает критики еще один критерий разграничения правил и принципов, основанный на отсутствии в логической структуре принципов модальных операторов «вправе», «обязан», «запрещено», характерных для структуры классических норм-правил [Стоилов Я., 2023: 52]. В качестве наиболее очевидного примера, опровергающего указанный выше тезис, приводятся нормы о правах человека [Тимошина Е.В., 2017: 258] — «[к]аждый имеет право на жизнь» (ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации), «[н]икто не должен подвергаться пыткам» [...] (ч. 2 ст. 21 Конституции), «[к]аждый имеет право на неприкосновенность частной жизни» (ч. 1 ст. 23 Конституции).

2. Конечный способ применения (*final mode of application*) указывает на применение правил по модели «все или ничего», в то время как принципы применяются «в большей или меньшей» степени, что наиболее явно прослеживается в позиции «сильного» разграничения.

С одной стороны, данный критерий не подтверждается на практике, поскольку правила могут быть применимы по модели «все или ничего» только если не возникает вопросов к действительности нормы-правила, ее значению, соотношению фактических обстоятельств с их описанием в правиле. Применение правил также предполагает предварительное толкование, хотя процесс интерпретации может быть менее сложным по сравнению с толкованием принципов [Avila H., 2007: 14–17]. Любая норма права может потребовать конкретизации [Пошер Р., 2015: 157], разница заключается в том, что принципы изначально обладают большей степенью абстрактности по сравнению с правилами [Тимошина Е.В., 2017: 257].

С другой стороны, спорно выделение в качестве свойства принципа возможности его реализации в определенной степени. Так, хотя отдельные принципы могут быть сконструированы в качестве требований оптимизации, процедуре взвешивания не могут быть подвергнуты все существующие правовые принципы, значит, указанный критерий необоснованно сужает понятие принципа. Среди наиболее ярких примеров — принципы равенства, добросовестности, уважения достоинства человека, применительно к которым трудно говорить о возможности сравнительного взвешивания [Тимошина Е.В., 2017: 259–260].

Кроме того, как говорит А.В. Коновалов о концепции Р. Дворкина, методология воздействия как критерий разграничения правил и принципов — лишь производный признак [Коновалов А.В., 2018: 251] и, соответственно, не может выступать объективным критерием разграничения.

3. Критерий нормативного отношения (способ разрешения конкуренции) логически следует из предыдущего и основан на способах разрешения коллизии между правилами и между принципами. Противоречие между правилами — истинный конфликт, который может быть разрешен путем объявления одного из правил дерогированным или создания исключений. В то же время конфликт между принципами может быть разрешен с помощью методологии взвешивания, при применении которой каждому из принципов придается определенный вес [Avila H., 2007: 19–20]. Указанный критерий, в частности, поддерживает Я. Стоилов, отмечающий, что противоречия между принципами носят содержательный характер и могут быть разрешены посредством аргументативной техники, в то время как противоречия между правилами формальны и снимаются путем выбора одного из альтернативных решений. В этом смысле обеспечение определенности правового регулирования является функцией правил [Стоилов Я., 2023: 61–62].

Однако более убедительны доводы в поддержку отрицания объективности указанного критерия. С одной стороны, взвешивание не является единственным методом применения принципов⁸. С другой, «взвешивание» в определенном смысле применимо как к принци-

⁸ Так, Е.В. Тимошина, А.А. Краевский и Д.Н. Салмин предлагают разрешение коллизий между правовыми принципами, в том числе между правами человека с использованием традиционной методологии преодоления противоречия между правовыми нормами — дерогации одной из норм или в непротиворечивом истолковании норм с учетом специфики конкуренции прав человека [Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н., 2015: 4–34].

пам, так и к правилам, поскольку переход от правовых положений, выраженных в источниках права, к всеобъемлющим юридическим обязательствам, требованиям и т.д. предполагает оценочную интерпретацию, т. е. взвешивание и балансирование. В данном случае отличие позиции Р. Алекси (рассматривающего принципы как требования оптимизации) от позиции, в частности, А. Аарнио (согласно которой методология взвешивания не является составляющей частью принципа, но является отдельной мета-нормой⁹ технического характера), заключается в том, находится ли требование взвешивания, сопровождающее принцип, «внутри» или «вне» содержания последнего [Peczenik A., 2009: 63–64, 66].

«Взвешивание» аргументов неразрывно связано с процессом толкования. В особенности это проявляется при определении границ значения семантически открытых предложений или концепций (верховенство права, определенность права, демократия и др.). Принятие решения об ограничительном или расширительном толковании правила тоже предполагает оценку аргументов и контраргументов, поскольку для применения исключения требуется наличие противоположной причины, которая аксиологически перевесит основание применения правила. И правила, и принципы применяются так, чтобы реализовать их в максимальной степени [Avila H., 2007: 20–24, 26–28]. Иными словами, «измерением веса» обладают не правовые принципы, а те аргументы, которые используются для обоснования их применения.

4. Критерий аксиологического (ценностного) основания указывает на наличие у принципов ценностного (аксиологического) содержания. Принципы, в отличие от правил, рассматриваются как аксиологические основания для принимаемого решения.

Отмечается, что аксиологическая природа правовых принципов нередко влечет за собой непоследовательное разграничение правовых принципов, обладающих нормативностью, и правовых ценностей [Варламова Н.В., 2023: 148]. Если принципы находятся на деонтологическом уровне и указывают на необходимые модели поведения, то ценности находятся на аксиологическом (телеологическом) уровне и присваивают положительную характеристику конкретным элементам [Avila H., 2007:11,41]. Ценности выступают прообразом принципов, предпосылкой для их возникновения и получают правовое содержание посредством преобразования в пра-

⁹ У. Авила также рассматривает требование соразмерности не как принцип, но как нормативный постулат, представляющий собой мета-норму.

новые принципы [Стоилов Я., 2023: 41–44]; [Коновалов А.В., 2024: 158–159]. Соответственно, ценности и идеи приобретают правовое значение и интегрируются в право через правовые принципы.

1.3. Специфика правовых принципов

Обзор возможных критериев демонстрирует, что аргументы в пользу «сильного» разграничения менее убедительны. В свою очередь, позиция «слабого» разграничения более обоснована, поскольку как правила, так и принципы сущностно являются правовыми нормами и отличаются друг от друга по показателю степени, но не качества. Однако «показатель степени» (более общая языковая форма, высокая степень абстрактности, универсальности и всеохватности) требует конкретизации, так как фактически является только вторичным признаком, являясь следствием специфики правовых принципов.

Как было рассмотрено выше, лингвистическая структура нормативного предложения, с помощью которого выражен правовой принцип, не выступает объективным классификационным критерием, поскольку не подтверждается эмпирически — структура принципа зависит в том числе от способа его использования в аргументации субъектом толкования. Соответственно в первую очередь особенности правовых принципов проявляются в специфике их содержания.

У. Авила усматривает такие особенности в нормативно-описательной природе правовых принципов: если правила указывают на конкретизированные объекты (субъекты права, модели поведения, источники права и др.), то принципы описывают идеальное положение вещей, состояние, которое должно быть достигнуто [Avila H., 2007: 44]. Однако как и в случае с применимостью методологии взвешивания, указанный критерий не универсален, поскольку применим не ко всем правовым принципам, а также является релевантным в отношении отдельных правовых правил.

С точки зрения приверженцев аргументативного подхода¹⁰ и авторов теории правовых высказываний М. Атиензы и Х.Р. Манеро достижение определенного состояния, идеального положения вещей может быть характерно как для принципов, так и для правил, в зависимости от того, предполагают ли они нормативную квалифика-

¹⁰ Аргументативная теория рассматривает право с точки зрения аргументативной деятельности, объединяющей различные формы языковой практики (логику, риторику, диалектику и другие), право рождается в контексте дискуссии о том, что является правовым и справедливым [Антонов М.В., 2010: 232].

цию определенного поведения (т.е. являются правилами действия) или направлены на квалификацию определенного состояния (т.е. составляют конечные правила). Принципы, в свою очередь, также могут совпадать по структурному признаку с правилами действия и конечными правилами.

Авторы признают, что отчасти классификация умозрительна, зависит от избранных законодательных формулировок и, как правило, не влечет практически значимых последствий. Актуальность различия проявляется в тех случаях, когда нормативное положение, предусматривающее в качестве обязанности достижение состояния (конечное правило), оставляет выбор соответствующих средств на усмотрение адресата правовой нормы, в случае же с правилами действия свобода усмотрения отсутствует. В качестве примера приводится положение Гражданского кодекса Испании (далее — ГК), согласно которому при принятии заявления о расторжении брака и отсутствия соглашения между сторонами судья должен, среди прочего, «определить вклад каждого из супругов в тяготы брака [...] установить основания для расчета величин, а также установить гарантии, депозиты, резервы или другие необходимые меры предосторожности, чтобы обеспечить достаточность соответствующих сумм, которые один из супругов должен выплатить другому». Судье предписывается добиться положения, при котором будет гарантирована достаточность выплаченных сумм при том, что перечень средств для его достижения открыт.

В чем же тогда заключается различие между правилами и принципами? В отличие от правил, которые представляют собой закрытые высказывания, т.е. содержат закрытый перечень признаков тех фактических ситуаций, к которым они применимы, правовые принципы выражены открытыми высказываниями. Для иллюстрации данного тезиса приводится следующая пара примеров. Упомянутая выше ст. 14 Конституции Испании содержит принцип: «[и]спанцы равны перед законом и не могут подвергаться какой-либо дискриминации по признаку рождения, расы, пола, религии, убеждений или любых других личных или социальных условий или обстоятельств». Примером правила выступает ст. 28 Статута трудящихся Испании: «[р]аботодатели должны платить равную зарплату — как основную, так и дополнительную — за равный труд без дискриминации по признаку пола»). Авторы отмечают, что неопределенность, характерная для принципов, проявляется в первом случае в открытости условий их применения (дискриминация запрещена в любых ситуациях), тогда как условия применения второго положения (правила) являются за-

крытыми (запрещена дискриминация по признаку пола при определении размера заработной платы) [Atienza M., Manero J., 1998: 7–10].

При этом семантическая неопределенность сама по себе не влияет на квалификацию нормативного предложения в качестве принципа или правила, поскольку она может проявиться в любых нормативных предложениях (например, может ли данная деятельность рассматриваться в качестве «труда») — неопределенность как свойство естественного языка, предполагающее отсутствие у языковых выражений информации, достаточной для точного установления их содержания, в целом присуща правовым текстам [Блинова О.В., Белов С.А., 2020: 777–779]. Ключевыми являются основания для возникновения неопределенности. В случае с правилами «закрытая» форма соответствующих нормативных высказываний не препятствует открытой текстуре языка, с помощью которого они сформулированы — неопределенность проявляется на этапе соотнесения индивидуального случая с общим описанием (как указывают сами авторы, речь идет о пробеле в распознавании в терминологии Е.В. Булыгина и К. Альчуррона).

Также критерием разграничения правил и принципов выступают основания их обязывающей силы. С точки зрения теории правовых высказываний действительность правила не зависит от его содержания (content-independent) в том смысле, что при соответствующих условиях правило подлежит применению не в силу его ценностного содержания, но в связи с тем, что его источником выступает принятый в установленном порядке нормативный правовой акт. Если принцип закреплен в правовом тексте, основанием его действительности также является наличие нормативного источника (т.е. обязательность принципа не зависит от его содержания), однако принцип не является категоричным (peremptory), поскольку не исключает усмотрения суда в отношении содержания принимаемого решения [Atienza M., Manero J., 1998: 12–13, 29].

Поскольку принципы определяют цель (например, защиту свободы слова), но не определяют способов ее достижения, они остаются на усмотрении субъекта толкования (судьи). Применение принципов позволяет произвести оценку моральных оснований норм, поиска средств, являющихся уместными, необходимыми и пропорциональными для реализации предполагаемых принципом целей. У правовых принципов, которые эксплицитно не закреплены в правовых текстах, отсутствуют оба характерных для правил свойства — они включаются в аргументацию правоприменителя в связи с определенными качествами их содержания, которые выступают основаниями их обязывающей силы.

Наконец, правила отличаются от принципов в зависимости от вклада в решение правовой проблемы, иными словами, правовые принципы и правовые правила различным образом проявляются в судебной аргументации. Правила являются решающими, их цель — указать на возможное решение известной или предполагаемой проблемы. Принципы являются дополнительными, так как они содержат причины, которые должны быть приняты во внимание при принятии решения [Avila H., 2007: 14. 44, 58]. Вместе с тем сфера применения принципов в аргументации шире, они могут быть использованы в большем количестве случаев [Atienza M., Manero J., 1998: 21–22].

Правовые принципы обеспечивают нахождение наиболее легитимного ответа на вопрос, что особенно проявляется в «сложных» делах. В этом смысле принципы могут быть использованы в качестве нормативных оснований для вынесения решения в ситуации отсутствия законодательно установленных норм-правил или, напротив, для обоснования неприменимости правил в ситуации их противоречия правовым принципам [Касаткин С.Н., 2018: 10–11].

2. Дифференциация правовых принципов

2.1. Виды правовых принципов

Поскольку понятие правового принципа многоаспектно и охватывает различные виды, для полноты исследования необходимо также рассмотреть возможную классификацию внутри понятия правового принципа, чтобы дополнить и конкретизировать особенности, выявленные при противопоставлении принципов правилам.

Данная задача весьма затруднительна: в связи с многообразием правовых принципов и подходов к их определению часть исследователей отрицает возможность познать все принципы права. Так, Дж. Стельмах и Б. Брожек придерживаются широкого подхода к понятию правовых принципов, рассматривая в качестве принципа любое общее положение о праве, включенное в правовую традицию и получившее всеобщее признание. В связи с этим существуют правовые принципы, которые непосредственно выражены в положениях действующего позитивного права; правовые принципы, которые опираются на традицию со времен римского права и признаются юристами как действующие; правовые принципы, которые изредка появляются в правовом дискурсе. Соответственно, авторы отрицают возможность составить единый каталог (кодекс) таких принципов.

пов [Stelmach J., Brozek B., 2006: 160–161]. М. ван Хук, напротив, поддерживает тезис об ограниченности круга правовых принципов [Ван Хук М., 2012: 216].

Рациональный подход к внутреннему разграничению правовых принципов предлагается авторами теории правовых высказываний. В первую очередь М. Атиенза и Х. Манеро перечисляют шесть наиболее распространенных в доктрине значений, соотносимых с понятием «принципы», хотя и не придерживаются указанной классификации: (1) нормы общего характера, направленные на регулирование широкого перечня случаев без специфических признаков (в качестве примера цитируется ст. 1091 ГК Испании — «[о]бязательства, возникающие из договоров, имеют юридическую силу между сторонами и должны исполняться в соответствии с их условиями»); (2) нормы, формулировки которых включают абстрактные (*vague*) термины («[з]акон не защищает злоупотребление или антиобщественное использование права» (ч. 2 ст. 7 ГК)); (3) программные нормы или политики («[г]осударственная власть должна гарантировать защиту потребителей и пользователей, защищая их безопасность, здоровье и законные экономические интересы» (ст. 51.1 Конституции Испании)); (4) нормы, выражающие высшие ценности правового порядка, его части или правового института («[в]се испанцы равны перед законом; дискриминация по признаку рождения, расы, пола, религии, убеждений или любых других условий, личных или социальных обстоятельств запрещается» (ст. 14 Конституции)); (5) нормы, адресованные правоприменительным органам и указывающие, каким образом необходимо выбирать и толковать применимую норму («[у]головные законы, законы, предусматривающие исключения и законы, предусматривающие ограничения их действия во времени, не должны применяться к иным фактам или иным временным промежуткам, кроме тех, которые прямо указаны в них» (ч. 2 ст. 4 ГК)); (6) предложения или максимы высокой степени обобщения, позволяющие систематизировать правопорядок или его сектор (например, принцип рационального законодателя) [Atienza M., Manero J., 1998: 3–4].

Отталкиваясь от приведенного перечня вариативных значений, которые соотносятся в доктрине с термином «принцип», М. Атиенза и Х. Манеро предлагают трехчастную классификацию, которая является, с их точки зрения, исчерпывающей (т.е. охватывает все возможные виды правовых принципов), и исключающей (содержание выявленных видов не должно пересекаться между собой). В первую очередь отмечается, что открытый характер или абстрактность тер-

минов сами по себе не являются достаточными основаниями для квалификации нормы в качестве правового принципа (свойство неопределенности присуще принципам как вторичный признак). По этой причине выделять в качестве принципов нормы общего характера или нормы, формулировки которых включают абстрактные термины, некорректно.

Исчерпывающим выступает деление принципов на нормы, выражающие высшие ценности (правовые принципы в строгом значении) и программные нормы или политики (нормы, предусматривающие обязанность достижения определенных целей). Одно и то же нормативное предложение может выступать как правовым принципом в строгом значении, так и программной нормой в зависимости от контекста аргументации. Указанные в перечне два оставшихся значения принципов — как нормы, адресованной правоприменителям и устанавливающей правила выбора и толкования нормативных предложений¹¹, и как максимы, выступающей способом обобщения правопорядка, — также излишни, поскольку (при наличии соответствующих признаков) могут быть соотнесены либо с принципами *stricto sensu*, либо с программными нормами.

Практическим последствием разграничения выступает различие в соблюдении предписываемого принципами *stricto sensu* и программными нормами. В первом случае, как только принцип определяется как применимый в данной ситуации, его адресат выполняет действия, предусмотренные принципом. В случае с программной нормой адресату необходимо обдумать адекватность своего поведения (используемых средств) с точки зрения преследуемой цели, а также в свете других целей, достижение которых также предписано и на которые использование этих средств может оказать негативное влияние. При определении правомерности поведения в соответствии с программной нормой необходимо учитывать наличие свободы усмотрения в отношении выбора соответствующих средств [Atienza M., Manero J., 1998: 5].

Интересны рассуждения ученых о том, что тезис о возможности реализации принципа в определенной степени справедлив только по отношению к принципам — программным нормам. Действия, направленные на достижение конституционно предписанной цели (например, снижение стоимости ипотеки как средство, облегчающее обеспечение граждан достойным жильем, — цель, предусмотренная

¹¹ Как будет рассмотрено ниже, в доктрине соответствующие нормы также выделяются в обособленную категорию правовых постулатов

ст. 47 Конституции Испании) в максимально возможной мере, могут иметь негативные последствия для других целей, также закрепленных Конституцией (например, для экономической стабильности, как предусмотрено ст. 40 Конституции). Кроме того, во многих случаях такие конституционные цели взаимосвязаны — ослабление экономической стабильности может иметь негативные последствия для доступа к жилью или для социального обеспечения. Таким образом, программные нормы направлены на обеспечение максимально возможной степени совместной реализации всех целей [Atienza M., Manero J., 1998: 11–12].

Вторая классификация основана на том, в рамках какой системы действует принцип или программная норма — «первичной» системы (системы субъекта), т.е. как принцип, регулирующий поведение субъектов права, или «вторичной» системы (системы судьи), т.е. в качестве принципа, адресованного правоприменителю. Авторы уточняют, что указанное разграничение не является исключительным в том смысле, что правовые принципы, действующие в рамках «первичной» системы, в любом случае распространяются на всех субъектов права, как минимум, в качестве критериев оценки правомерности деятельности правоприменительных органов. В то же время возможно выявить принципы, адресатом которых выступает исключительно правоприменитель [Atienza M., Manero J., 1998: 5–6]. В целом данная классификация не является специфической для правовых принципов и носит в большей степени методологический характер.

Третьим и последним классификационным критерием выступает позиционирование правовых принципов или особенности их закрепления в правовом порядке. Для принципов не всегда обязательна формальная фиксация в писаных источниках позитивного права [Стоилов Я., 2023: 52]. Правовые же правила обладают действительностью постольку, поскольку они приняты в установленном порядке (содержатся в соответствующем нормативном акте или решении суда), в то время как принцип обосновывается на основании юридической практики и других принципов [Дворкин Р., 2004: 63].

Различаются эксплицитные принципы, которые прямо закреплены в позитивном праве, и имплицитные принципы, содержание которых выводится из других нормативных предложений [Atienza M., Manero J., 1998: 6]. Разграничение принципов на основании указанного критерия распространено в доктрине. Отмечается, что различие способов позитивации правовых принципов обусловлено их надпозитивным характером [Варламова Н.В., 2023: 153]. При этом правовые принципы в любом случае «растворены» в положениях

правовых текстов и выявляются в процессе их толкования [Коновалов А.В., 2024: 127–129].

Характеристика правового принципа в качестве эксплицитного или имплицитного влияет на его роль в аргументации. Так, А. Аарнио отмечает, что наличие у правового принципа институциональной поддержки в позитивных источниках права увеличивает степень убедительности аргументации при их использовании. Строго обязательными являются эксплицитно закрепленные принципы (классический пример — закрепление прав человека в конституции). Если правовой принцип не закреплен в нормативных правовых актах, он может приобрести более слабую обязывающую силу путем его признания в правовой системе, например, через судебную практику. При этом зачастую правовой принцип может быть признан имплицитно, в частности, «спрятан» за другими аргументами даже, если решающее значение имеет именно принцип. К таким принципам, которые используются на практике, относят, в частности, «*pacta sunt servanda*»¹², «никто не может извлечь выгоду из собственных проступков», «наследник не может иметь больше прав, чем умерший» или «*falsa demonstratio non nocet*» (применение правового текста согласно его смыслу когда есть основания полагать, что в текст вкралась ошибка) [Aarnio A., 2011: 162–163].

М. ван Хук также разграничивает эксплицитно сформулированные в позитивном праве принципы и «неписанные правовые принципы», применимые для заполнения пробелов в праве или для «корректировки» позитивного права. Вторая группа принципов представлена структурными принципами — скрытыми аксиомами логической структуры правовой системы (одной из ее отраслей), имеющими более широкую сферу применения, и идеологическими принципами, которые не имеют институциональной поддержки в виде закрепления актами позитивного права. Идеологические принципы обычно применяются для ограничения использования некоторых правил, которые считаются необоснованными, неразумными, неприменимыми, но только в случае явного несоответствия общепринятому моральному или политическому принципу.

Таким образом, структурные принципы применяются, как правило, *praeter legem* (помимо закона), тогда как идеологические принципы — *contra legem* (против закона). При этом идеологические прин-

¹² Однако необходимо помнить о контексте применения соответствующего принципа. Так, применительно к международному публичному праву принцип *pacta sunt servanda* относится к первому случаю, поскольку закреплен в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров (1969).

ципы приобретают легитимность в качестве правовых принципов в силу двух условий: использование ссылок на идеологические принципы в рамках ограниченного судебного усмотрения при корректировке первоначальных правил и получение институциональной поддержки путем широкого общественного согласия или согласия среди юристов [Ван Хук М., 2012: 217, 220–222, 231].

2.2. Правовые постулаты (мета-нормы)

Еще одним значимым аспектом дифференциации правовых принципов является соотношение правовых принципов с правовыми постулатами. В отличие от разграничения правовых принципов и правовых правил, вопрос отграничения правовых принципов от постулатов является доктринально менее изученным. Существование постулатов обусловлено юридическим дискурсом — методика юридического обоснования основывается на требованиях, которые зачастую также именуются принципами, хотя сущностно от них отличаются, поскольку являются стандартами определения правового содержания [Стоилов Я., 2023: 65, 71].

Соответственно постулаты — методологические нормы, определяющие критерии применения иных норм. У. Авила характеризует их как мета-нормы, поскольку они являются «нормами о нормах» и существуют на вторичном уровне. При этом они отличаются от высших принципов права, таких как верховенство права или правовая определенность, поскольку высшие принципы права являются семантически и аксиологически вышестоящими нормами и с точки зрения системы права представляют собой объект применения. Мета-нормы выступают методологически вышестоящими нормами, расположенными на мета-уровне применения соответствующих норм. У. Авила отличает и принципы, и правила (нормы) от постулатов (мета-норм), поскольку они определяют применение норм, адресованы непосредственно субъектам толкования и правоприменителям. Правовые постулаты носят методологический, а не целевой характер, не могут быть реализованы в большей или меньшей степени, не обладают свойством высокой степени абстрактности, но предлагают критерии для применения иных правовых категорий.

У. Авила выделяет герменевтические и прикладные постулаты. Герменевтические постулаты необходимы для внутреннего понимания правопорядка, на основании которого принимается решение о выборе необходимой альтернативы применения толкуемой правовой нормы. Одним из ключевых герменевтических постулатов

является постулат единства правового порядка, предполагающий обязанность в процессе толкования соотносить интерпретируемую правовую норму с иными действующими правовыми нормами, постулат иерархичности правового порядка, постулат согласованности правового порядка [Avila H., 2007: 83–91]. Постулаты указанного вида обладают исключительно когнитивным значением, направлены на понимание системы права и ее функционирования.

Прикладные постулаты используются для решения возникающих при применении правовых норм вопросов, т.е. используются для толкования и обоснования правовых решений [Стоилов Я., 2023: 73]. С прикладными постулатами совпадает категория методологических принципов, выделяемая А.В. Коноваловым. Последние раскрывают способы достижения задач, выраженных в субстантивных принципах. Так, в качестве общеправовых методологических принципов выделяются принцип законности, легитимность и авторитет правопорядка, универсальность, единообразие и целесообразность (экономичность) правоприменения, недопустимость извлечения прибыли и иных преимуществ из незаконного, противоправного, недобросовестного поведения [Коновалов А.В., 2024: 292, 248]. У. Авила характеризует постулат соразмерности (пропорциональности) и разумности в качестве основных прикладных нормативных постулатов.

Некоторые постулаты не включают элементы, применимость других постулатов зависит от определенных условий. Так, постулат равенства означает применение закона к субъектам с учетом критерия различия и цели различия, а также совпадения такого критерия с установленной целью. Постулат разумности применяется как руководство, учитывающее индивидуальные обстоятельства при применении общих норм, а также соответствия между правовыми нормами и внеправовым контекстом, предпринятой мерой и целью, которую она должна достичь. Постулат соразмерности (пропорциональности) применим к случаям, когда существует причинно-следственная связь между средством (принимаемой мерой) и результатом (целью принимаемой меры). Требование реализации нескольких целей, каждая из которых конституционно легитимна, предполагает принятие мер, соответствующих критериям уместности, необходимости и пропорциональности в узком смысле слова [Avila H., 2007: 91–94, 134].

«Пропорциональность» ярко иллюстрирует проблематику квалификации определенной правовой категории в качестве принципа или постулата. Так, пропорциональность характеризуется в качестве

принципа [Шлинк Б., 2012: 56–76]; [Троицкая А.А., 2015: 45–69], в том числе общего принципа права [Должиков А.В., 2022: 108–148], методики (правового постулата в классификации У. Авила) [Белов С.А., 2016: 63–75] или «технического правила», предполагающего необходимость осуществления взвешивания [Peczenik A., 2009: 63–64]. На практике затруднительно произвести разграничение правовых принципов и правовых постулатов, особенно в случае, если правовые принципы используются в качестве средства юридического обоснования. Определенные правовые постулаты могут быть трансформированы в правовые принципы в судебной практике или путем законодательного закрепления, что очевидно, например, в случае с принципом/постулатом равенства. Исследователи отмечают, что при этом рассматриваемые правовые категории не перестают быть постулатами, но функционируют в качестве принципов [Стоилов Я., 2023: 74].

Таким образом, в широком смысле понятие правовых принципов также охватывает правовые постулаты. Вероятно, исходя из рассмотренной выше трехчастной классификации правовые постулаты соотносимы с принципами вторичной системы, поскольку адресованы правоприменителю.

Вместе с тем независимо от используемого термина (постулат/методологический принцип) рассмотренное разграничение имеет практические следствия для судебной аргументации. Во-первых, оно отражает различия в методологии. Работа с принципами предполагает максимально точное определение его содержания исходя из положений правового текста (например, конституции) во взаимосвязи с иными правовыми принципами и нормативными предложениями, конкретизирующими цели принципа и ограничивающие сферу его применения, а также анализ судебной практики для выявления критериев, определяющих, какие правовые блага составляют идеальное положение вещей и какие модели поведения считаются необходимыми для его достижений. Методика работы с постулатами, напротив, начинается с изучения судебных решений, в которых был применен соответствующий постулат для выявления использованных элементов и связей между ними и в том числе для определения того, основой применения каких норм выступает рассматриваемый постулат [Avila H., 2007: 50–52, 96–98].

Во-вторых, специфика правовых постулатов предопределяет модель их использования в судебной аргументации — постулаты (методологические принципы) не применяются непосредственно, но используются в процессе толкования норм, в том числе выступают

инструментом реконструкции правовых норм из правовых текстов, очерчивают границы применения других принципов и правил, производят оценку моральных оснований норм, поиска средств, которые уместны, необходимы и пропорциональны для реализации целей, поставленных при принятии принципов.

Заключение

В теории правовых принципов отсутствует консенсус насчет понятия правовых принципов, хотя его определение необходимо с целью квалификации соответствующих правовых категорий в качестве принципов права и для дальнейшего определения корректной методологии толкования и применения принципов в свете специфики их использования в процессе аргументации.

В доктрине распространена позиция нормативного дуализма, предполагающая разграничение правовых правил и правовых принципов. «Слабое» разграничение разделяет правовые принципы и правовые правила по показателю степени (более общая языковая форма, большая степень абстрактности, универсальности, более широкий диапазон применения), «сильное» разграничение предполагает существенные (качественные) различия в правовой природе и образе действия правовых принципов. Каждый подход влечет политико-правовые следствия для судей и различным образом влияет на методологию судебной аргументации. В первом случае проявляется большая свобода усмотрения правоприменителя в силу высокой степени абстрактности соответствующих норм, тогда как «сильное» разграничение связывает специфику правовых принципов с использованием «взвешивания» и определением их веса при применении.

Обзор возможных критериев демонстрирует большую состоятельность позиции «слабого» разграничения — самыми противоречивыми критериями для разграничения правил и принципов выступает лингвистическая структура нормативного предложения, выражающего принцип, а также приписываемая принципам в качестве их имманентного свойства возможность быть реализованными в большей или меньшей степени и подлежать оптимизации. С точки зрения разграничения принципов и правил по показателю степени как правила, так и принципы сущностно являются правовыми нормами, обладающими предостаточно-обязывающим характером. Это значит, что способы применения принципов не ограничены взвешиванием, которое в равной степени применимо к толкованию правил в «сложных» делах (памятуя, что «взвешиваются» не соот-

ветствующие правовые стандарты, а аргументы, обосновывающие их применение), и не исключают полностью традиционные методы толкования.

При этом методология толкования и применения правовых принципов должна принимать во внимание особенности правовых принципов. В первую очередь абстрактность и семантическая неопределенность правовых принципов требуют дополнительной конкретизации, поскольку они характерны для любых правовых предложений в силу особенностей языка правовых текстов. Однако правовые принципы в отличие от правил изначально являются открытыми высказываниями и не содержат признаков обстоятельств, к которым они применимы, из чего следует большая степень усмотрения адресата правовой нормы, включая правоприменителя. Процесс аргументации усложняется, поскольку принципы не содержат всех детерминирующих признаков до акта толкования и применения.

Кроме того, специфика правовых принципов, оказывающая влияние на их место в судебной аргументации, проявляется внутри категории правовых принципов. Так, М. Атиенза и Х. Манеро предлагают разграничивать принципы *stricto sensu*, выражающие высшие ценности, и принципы — программные нормы, предусматривающие обязанность достижения определенных целей. Применение принципов — программных норм предполагает оценку правоприменителем адекватности используемых средств, и в связи с этим указанный вид принципов действительно может реализовываться в большей или меньшей степени в рамках целей, предусмотренных иными программными нормами.

Также процесс аргументации с использованием правового принципа зависит от его эксплицитного позиционирования в соответствующем правовом тексте — при отсутствии последней принцип имеет более слабую обязывающую силу, но тем не менее может быть применен путем его признания, в том числе посредством судебной практики.

Наконец, значимым аспектом дифференциации правовых принципов и дополнением дихотомии «правовые принципы — правовые правила», выступает подробно изученная У. Авиллой категория правовых постулатов (методологических принципов) — мета-норм, адресованных непосредственно субъектам толкования и определяющих применение других правовых норм. Разграничение между понятиями является размытым и не всегда выдерживается на практике (например, в случае с принципом/постулатом равенства). Однако выделение данной категории позволяет проследить методологические различия в способах работы с принципами и с постулатами и

определяет модель их использования в правовой аргументации. Для принципов (субстантивных принципов в терминологии А.В. Коновалова) характерно непосредственное применение в качестве нормативных оснований в сложных делах, например, в ситуации правового пробела или при обосновании неприменимости правил в случае их противоречия правовым принципам. В то же время правовые постулаты (методологические принципы) используются при толковании норм, определяя специфику их применения.

Список источников

1. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М.: Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
2. Алекси Р. Формула веса // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 208–229.
3. Антонов М.В. Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е.В. Булыгиным и М. Атиензой // Правоведение. 2010. № 1. С. 224–235.
4. Белов С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 63–75.
5. Белов С.А. Способен ли рациональный дискурс обосновать ценностный выбор в праве? // Правоведение. 2014. № 5. С. 224–236.
6. Блинова О.В., Белов С.А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 4. С. 774–812.
7. Васьковский Е.В. Теория толкования гражданского права. Очерк методологии цивилистической догматики / Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода. М.: Статут, 2016. С. 236–517.
8. Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. 288 с.
9. Варламова Н.В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6. С. 146–171.
10. Власенко Н.А. Методологическая результативность исследования определенности права. В кн.: Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики. Материалы XII международной конференции. М.: РГУП. 2018. Ч. I. С. 51–62.
11. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 392 с.
12. Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. ... д.ю.н. СПб., 2022. 1112 с.
13. Касаткин С.Н. Учение о правовых принципах и критика позитивизма в работах «раннего» Р. Дворкина // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2018. № 1. С. 3–22.

14. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Современная гуманитарная академия, 2000. 559 с.
15. Коновалов А.В. Понятие принципов права в англосаксонской научной доктрине // Вестник гражданского права. 2018. № 3. С. 238–260.
16. Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д.ю.н. М., 2019. 1161 с.
17. Коновалов А.В. Принципы права. М.: Норма, 2024. 792 с.
18. Пошер Р. Теория призрака — безрезультатный поиск теорией принципов своего предмета // Правоведение. 2015. № 5. С. 134–157.
19. Сивицкий В.А. Принципы правового регулирования в структуре федерального закона. М.: Юстицинформ, 2021. 232 с.
20. Скурко Е.В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства // Правоведение. 2006. № 2. С. 55–61.
21. Соболева А.К. Топическая юриспруденция. М.: Добросвет, 2001. 225 с.
22. Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение. М.: Проспект, 2023. 312 с.
23. Тимошина Е.В. Нормы-правила и нормы-принципы: последствия нормативного дуализма для методологии судебного толкования / Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики: сборник научных трудов. Минск: МВД Республики Беларусь, 2017. С. 253–259.
24. Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 3. С. 4–34.
25. Троицкая А.А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 45–69.
26. Харт Г. Понятие права. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2007. 302 с.
27. Шлинк Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 56–76.
28. Aarnio A. *Essays on the Doctrinal Study of Law*. Dordrecht: Springer, 2011, 222 p.
29. Avila H. *Theory of Legal Principles*. Dordrecht: Springer, 2007. 365 p.
30. Atienza M., Manero J A *Theory of Legal Sentences*. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 1998. 192 p.
31. Berteau S. An Expansionist Model of Legal Reasoning. In: *Defeasibility in Law*. D.A. Kurt and M. Willaschek (eds.). Berlin: De Gruyter, 2020, pp. 1–29.
32. Peczenik A. *On Law and Reason*. Dordrecht: Springer, 2009. 376 p.
33. Saunders I. *General Principles as a Source of International Law: Art. 38 (1) (c) of the Statute of the International Court of Justice*. Oxford: Hart Publishing, 2021. 285 p.
34. Stelmach J., Brozek B. *Methods of Legal Reasoning*. Dordrecht: Springer, 2006. 242 p.

References

1. Aarnio A. (2011) *Essays on the doctrinal study of law*. Dordrecht: Springer, 222 p.
2. Alexy R. (2010) Weigh formula. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*=Russian Yearbook of Legal Theory, vol. 3, pp. 208–229 (in Russ.)

3. Alexy R. (2011) *Concept and validity of law: a reply to legal positivism*. Moscow: Infotropik Media, 192 p. (in Russ.)
4. Antonov M.V. (2010) Exclusive positivism and argumentative theory of law: to a polemic between E.V. Bulygin and M. Atienza. *Pravovedenie=Jurisprudence*, no. 1, pp. 224–235 (in Russ.)
5. Atienza M., Manero J. (1998) *A theory of legal sentences*. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 192 p.
6. Avila H. (2007) *Theory of legal principles*. Dordrecht: Springer, 365 p.
7. Belov S.A. (2014) Can rational discourse justify values choice in law? *Pravovedenie=Jurisprudence*, no. 5, pp. 224–236 (in Russ.)
8. Belov S.A. (2016) Rationality of judicial balancing of constitutional values using the proportionality test. *Sankt-Peterburgskiy yurist=Saint Petersburg Lawyer*, no. 1, pp. 63–75 (in Russ.)
9. Berteau S. (2020) An expansionist model of legal reasoning. In: *Defeasibility in law*. Berlin: De Gruyter, pp. 1–29. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3719917> (accessed: 20.09.2024)
10. Blinova O.V., Belov S.A. (2020) Linguistic ambiguity and vagueness in Russian legal texts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo=Bulletin of Saint Petersburg University. Law*, no. 4, pp. 774–812 (in Russ.)
11. Dolzhikov A.V. (2022) Proportionality as a general principle of law in constitutional adjudication in Russia (with reference to the fundamental social rights). Doctor of Juridical Sciences Thesis. Saint Petersburg, 1112 p. (in Russ.)
12. Dworkin R. (2004) *Taking rights seriously*. Moscow: ROSSPEN, 392 p. (in Russ.)
13. Hart H. (2007) *The concept of law*. Saint Petersburg: University, 302 p. (in Russ.)
14. Kasatkin S.N. (2018) Doctrine of legal principles and critique of positivism in works of “early” R. Dworkin. *Vestnik Samarskoy humanitarnoy akademii= Bulletin of Samara Academy of Humanities*, no. 1, pp. 3–22 (in Russ.)
15. Kerimov D.A. (2000) *Methodology of law. Subject, functions, issues of the philosophy of law*. Moscow: Modern Humanitarian Academy, 559 p. (in Russ.)
16. Konovalov A.V. (2018) The concept of principles of law in common law doctrine. *Vestnik grazhdanskogo prava=Civil Law Review*, no. 3, pp. 238–260 (in Russ.)
17. Konovalov A.V. (2019) Principles of civil law: methodological and practical aspects of research. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 1161 p. (in Russ.)
18. Konovalov A.V. (2024) *Principles of law*. Moscow: Norma, 792 p. (in Russ.)
19. Peczenik A. (2009) *On law and reason*. Dordrecht: Springer, 376 p.
20. Poscher R. (2015) Theory of a phantom: the principles theory’s futile quest for its object. *Pravovedenie=Jurisprudence*, no. 5, pp. 134–157 (in Russ.)
21. Saunders I. (2021) *General Principles as a Source of International Law: Art. 38 (1) (c) of the Statute of the International Court of Justice*. Oxford: Hart Publishing, 285 p.
22. Schlink B. (2012) Proportionality. On balancing fundamental rights and public goals. *Sravnitelnoe konstitucionnoe obozrenie=Comparative Constitutional Review*, no. 2, pp. 56–76 (in Russ.)
23. Sivitsky V.A. (2021) *Principles of legal regulation in the structure of the federal law*. Moscow: Yustitsinform, 232 p. (in Russ.)
24. Skurko E.V. (2006) Legal principles in the legal system, system of law and system of legislation. *Pravovedenie=Jurisprudence*, no. 2, pp. 55–61 (in Russ.)

25. Soboleva A.K. (2001) *Topical jurisprudence*. Moscow: Dobrosvet, 225 p. (in Russ.)
26. Stelmach J., Brozek B. (2006) *Methods of legal reasoning*. Dordrecht: Springer, 242 p.
27. Stoilov Y. (2023) *Principles of law: concept and application*. Moscow: Prospect, 312 p. (in Russ.)
28. Timoshina E.V. (2017) Norms-rules and norms-principles: consequences of normative dualism for methodology of judicial interpretation. Modern approaches to understanding of law and its influence on development of law branches, legislation and law-enforcement: collection of papers. Minsk: Ministry of Internal, pp. 253–259 (in Russ.)
29. Timoshina E.V., Kraevsky A.A., Salmin D.N. (2015) Axiology of judicial interpretation: means of weighing in the situation of human rights competition. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*=Bulletin of Saint Petersburg University. Law, no. 3, pp. 4–34 (in Russ.)
30. Troitskaya A.A. (2015) Limits of rights and absolute rights: beyond the principle of proportionality? Theoretical issues and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*=Comparative Constitutional Review, no. 2, pp. 45–69 (in Russ.)
31. Van Hoecke M. (2012) *Law as communication*. Saint Petersburg: University, 288 p. (in Russ.)
32. Varlamova N.V. (2023) Human rights as principles of law. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*=Comparative Constitutional Review, no. 6, pp. 146–171 (in Russ.)
33. Vaskovsky E.V. (2016) Theory of interpretation of civil law. Sketch of the methodology of civilian dogma. Moscow: Statut, pp. 236–517 (in Russ.)
34. Vlasenko N.A. (2018) Methodological effectiveness of the study of certainty of law. Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Papers of international conference. Moscow: Russian State University of Justice, pp. 51–62 (in Russ.)

Информация об авторе:

Д.А. Фаталиева — ассистентка.

Information about the author:

D.A. Fatalieva — Assistant.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to editorial office 22.11.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.